

Л.Г. Ефанова

Томский государственный педагогический университет

Субъект нормативной оценки, выражаемой семантикой языковых единиц, как носитель национальной языковой картины мира

Аннотация: Данная статья носит теоретический характер и имеет целью отразить существующие в современном языкознании представления о нормах, отраженных в значениях языковых единиц, как о составляющей языковой картины мира, а также исследовать роль в ее создании носителей языка как субъекта нормативной оценки.

The article has a theoretical character and aims to reflect modern linguistic ideas of norm semantics as a component of linguistic picture of the world and to investigate the native speakers of the language role as a norm estimation subject in it's creation.

Ключевые слова: субъект нормативной оценки, языковая картина мира, ценностная картина мира, нормативная картина мира.

Norm, norm estimation subject, linguistic picture of the world, value picture of the world, normative picture of the world.

УДК: 81.1

Контактная информация: Томск, ул. К. Ильмера, 15/1. ТГПУ, кафедра современного русского языка и стилистики. Тел.: (3822) 621747. E-mail: efanova@sibmail.ru.

Изучение нормы, отраженной в значениях языковых единиц, на протяжении нескольких десятилетий остается одной из актуальных проблем современной лингвистики. Согласно нашим наблюдениям, основными направлениями в исследованиях семантической категории нормы являются такие, в русле которых норма рассматривается, во-первых, как составной элемент категорий градуальности, интенсивности, качественности, количественности, компаративности и предельности (М. Бирвиш, Л.Г. Ефанова, Н.А. Лукьянова, Л.А. Новиков, Э. Сэпир, А.Н. Шрамм и др.); во-вторых, как самостоятельная семантическая или лингвокогнитивная категория, а также как лежащий в основании этой категории концепт (Н.Д. Арутюнова, Т.М. Николаева, Н.Д. Федяева и др.); в-третьих, в связи с категорией оценки (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, В.Н. Телия и др.), и в том числе как одна из составляющих некоторых типов модальности (А.П. Бабушкин, Т.В. Булыгина, О.В. Латина, А.Д. Шмелев).

Существующая в современной лингвистике традиция рассматривать категорию нормы в связи с оценкой и как ее разновидность методологически близка анализу нормы в модальной логике. Исследования в русле логики оценок и деонтической логики (логики норм) позволили выявить структуру нормативной оценки и сформировать представление о нормах как о результате основанного на определенных ценностных отношениях взаимодействия субъекта и предмета этой оценки. Среди составляющих нормативной оценки в трудах по лингвистической семантике наибольшее внимание уделяется особенностям явлений, становящихся предметом оценки, а также содержанию самой нормы как ее основанию, в то время как субъект оценки, как правило, остается вне поля зрения лингвистов.

Между тем субъект отраженной в семантике языковых единиц нормативной оценки, так же, как и субъект любой другой оценки, является обязательным участником ситуации оценивания и обладает некоторыми специфическими свойствами. Отличительные черты такого субъекта обусловлены тем, что он является носителем определенного языка и обладает выражаемыми при помощи средств этого языка и входящими в национальную языковую картину мира (далее – ЯКМ) представлениями о должном, во многом определяющими ее нормативный характер.

Как носитель национального языка субъект нормативной оценки должен не только в совершенстве владеть средствами этого языка, но также и усвоить присущий ему способ восприятия действительности. В лингвистических исследованиях неоднократно отмечалось, что человек расчленяет природу в направлении, подсказанном ему родным языком [Уорф, 1960, с. 174], бессознательно перенося установленные языком нормы в сферу опыта [Сэпир, 1985]. При этом отраженный в семантике языковых единиц «способ членения задан языку жизнью (природой и деятельностью человека)» [Арутюнова, 1980, с. 173]. По этой причине «свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков» [Апресян, 1995, с. 350–351].

Вместе с тем ЯКМ не является простым отражением действительности в сознании носителей языка, но предполагает их активное участие в создании языкового образа мира. Таким образом, используемый в современной лингвистике термин *языковая картина мира* «фиксирует теоретически отрефлектированный тип отношений языка, мира и человека как тип интерпретативной гносеологической деятельности человека по отношению к миру, объективированный в языковых фактах (языковых единицах, структурах, а также текстах)» [Резанова, 2002, с. 28].

Благодаря познавательной и интерпретативной активности носителей языка при создании ЯКМ образ мира присутствует в ней в виде идеализированного представления о некоторой упорядоченной целостности, которая создается за счет нормативных соотношений ее элементов [Бабушкин, 2001, с. 16]. В ЯКМ нормативным является не только отношение каждого из ее элементов к другим, но и само их содержание. «Как и всякий конструкт, идеализированная модель мира состоит из блоков. Этими блоками являются нормы, изменчивые в одной части и устойчивые в другой» [Арутюнова, 1999, с. 180]. Вследствие этого носитель языка, которому известны входящие в ЯКМ нормы и отношения между ними, может рассматриваться как субъект нормативной оценки.

Для характеристики носителя языка как субъекта нормативной оценки могут быть использованы те же методы, которые применяются при изучении ЯКМ, и актуальны данные, полученные в результате их применения. К числу таких данных относятся, в частности, результаты лингвокультурологического анализа системы «ключевых слов», воплощающих основные для данного общества культурные концепты, и «грамматики культуры», под которой понимаются «интуитивные законы, формирующие особенности мышления, чувствования, речи и взаимодействия людей» [Вежбицкая, 1999, с. 654]. Например, для русского языка ключевыми (типично русскими) концептами признаются *душа, тоска, судьба, счастье, справедливость, совесть, задушевность, удаль, воля, авось* и некоторые другие¹. Продуктивны при изучении национальных ЯКМ также сопоставительные исследования данных разных языков с целью выявить «заклученные в них концептуальные конфигурации, различные в разных языках и тем самым – у людей, гово-

---

¹ См. труды А. Вежбицкой, Т.В. Бульгиной, Анны А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, Ю.С. Степанова, А.Д. Шмелева, Е.С. Яковлевой и др.

рящих на разных языках» [Зализняк, 2006, с. 208]¹. Ценность таких исследований состоит, наряду с прочим, и в том, что они помогают выявить некоторые фундаментальные свойства национального характера, формирующие «семантический универсум» языка. В частности, А. Вежбицкая относит к числу основных свойств русского человека эмоциональность, антирационализм, неагентивность и любовь к моральным суждениям [Вежбицкая, 1996, с. 33–88]. Для нас выделение фундаментальных свойств национального характера имеет значение еще и потому, что в них, на наш взгляд, отражаются качества носителя русской ЯКМ как субъекта нормативной оценки².

В настоящее время в связи с чрезвычайной сложностью обозначенного термином *языковая картина мира* понятия лингвисты выделяют в нем разные составляющие, или аспекты, отражающие различные исследовательские подходы к этому объекту. В частности, предполагается, что «наряду с языковой картиной мира (в качестве ее аспекта) объективно выделяется *ценностная картина мира* (выделено мной – Л. Е.) в языке» [Карасик, 2002, с. 167]. Наличие в ЯКМ ценностного аспекта определяется коммуникативной и информационной функциями языка, поскольку «взаимопонимание в процессе коммуникации, где участвуют оценочные суждения, невозможно без общих для говорящих представлений о ценностной картине мира. Если у собеседников они различны, неизбежны коммуникативные провалы» [Вольф, 1988, с. 126].

По мнению Е.М. Вольфа, ценностная картина мира «в представлении говорящих соотнесена с *нормативной картиной мира* (выделено мной – Л. Е.), ее стереотипными ситуациями и их характеристиками и с соответствующими шкалами оценок, где знаки движутся в сторону “+” или “–” с учетом нормативных свойств объектов» [Там же]. В лингвистических исследованиях неоднократно отмечалась свойственная отраженным в языке представлениям о нормах положительная оценочность. «Из нормативных представлений о мире, по негласному уговору, исключается все отрицательное, чего можно избежать». «Понятие норматива не применяется, например, к плохой погоде, к циклонам и буре, к болезням и неприятностям, к ссорам и скандалам. ...Из нормативной (идеализированной) картины мира, отвечающей представлениям среднего человека, эти процессы удалены» [Арутюнова, 1988, с. 200]. К ним применимы понятия меры и закономерности, но не нормы [Арутюнова, 1987, с. 142].

С учетом отмеченных выше признаков содержание понятия *нормативной языковой картины мира* может быть определено как отраженная в семантике языковых единиц разных уровней система социально обусловленных и регулярно выражаемых средствами данного языка представлений о том, каким должен быть человек, социум и весь окружающий его мир для того, чтобы получить со стороны социального субъекта положительную оценку и не вызвать у него неодобрительного отношения.

Представляемая таким образом нормативная ЯКМ не только соотносится с ценностной картиной мира, но и может быть представлена в качестве одной из наиболее важных составляющих ее частей и, следовательно, должна обладать

---

¹ См. труды перечисленных выше исследователей, а также Н.Д. Арутюновой, Л.Е. Вильямс, С.Г. Воркачева, В.Г. Гака, Е.В. Димитровой, В.И. Карасика, Н.А. Красавского, А. Лазари, Г.Г. Слышкина, В.Н. Топорова и др.

² К сожалению, в некоторых исследованиях эти качества понимаются несколько упрощенно. Например, неагентивность нередко толкуется как лень, пассивность и безразличие к результату, а эмоциональность и иррациональность связывают с надеждой на авось и ленью ума. Заметим, что это мнение противоречит, в частности, выводам Ю.Д. Апресяна о том, что «человек мыслится в русской ЯКМ прежде всего как динамичное, деятельное существо. Он выполняет три различных типа действий – физические, интеллектуальные и речевые» [Апресян, 1995, с. 352]. А.Д. Шмелев также считает вывод о пассивности русского характера «несколько преувеличенным» [Шмелев, 2002, с. 210].

всеми теми признаками, которые имеет ценностная ЯКМ. По мнению В.И. Карасика, *ценностная картина мира* в языке обладает следующим набором свойств:

- 1) включает в себя как общечеловеческие, так и культурноспецифические (этнокультурные и социокультурные) ценности;
- 2) имеет системный характер, отражающей систему ценностей данного коллектива, организованную вокруг наиболее существенных для данной культуры смыслов – ценностных доминант, «совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке»;
- 3) находит выражение в семантике лексических и фразеологических единиц языка, а также фольклорных текстов, если эти единицы и тексты соотносятся с действующими внутри языковой общности нормами, правилами и стереотипами;
- 4) подчиняется действию семантического закона, в соответствии с которым специфическая часть этой картины получает в ней четкую оценочную квалификацию, а также наиболее частотное и своеобразное выражение средствами языка [Карасик, 2002, с. 166–205].

Вместе с тем нормативная ЯКМ, являясь частной разновидностью или составной частью ценностной ЯКМ, отличается от нее тем, что включает в свой состав не все отраженные в семантике языковых единиц ценности, а только те, которые основываются на обусловленных потребностями социального субъекта или его идеалами представлениях о должном. Понимаемая таким образом нормативная ЯКМ оказывается соотносимой с существующим в языковом коллективе *нормативным кодексом* как определенным образом организованной совокупности норм. В нормативный кодекс входят как сформулированные явным образом, так и производные от них возможные случаи применения той или иной нормы. Благодаря этому «с любым нормативным кодексом связана определенная совокупность ситуаций, множество возможных поступков (деонтически возможных миров), к которым данный кодекс приложим». «Деонтически возможный мир – это определенная нормативная система, в которой реализованы некоторые деонтические принципы» [Курбатов, 1997, с. 136], в том числе моральные, правовые, технические нормы, правила игры, познавательные принципы и т.п. Нормативная языковая картина мира, включая в себя представления о должном состоянии этого мира, взаимодействует благодаря этому с областью «возможных миров». Еще одной особенностью нормативной ЯКМ является то, что наиболее регулярное и своеобразное выражение в ней получают ситуации, связанные с разного рода нарушениями норм. При этом значительная часть норм не получает в языке прямого обозначения в силу того, что, «если у правила совершенно нет исключений, его не признают за правило и вообще его не осознают» [Уорф, 1960, с. 170].

Субъект нормативной оценки, выражаемой семантикой языковых единиц, обладает рядом свойств, обусловленных как содержанием этой оценки, так и спецификой средств ее выражения. Вследствие социальной обусловленности оценки и нормы субъект такой оценки может быть только коллективным, поскольку этого требует закрепление семантики нормы за той или иной единицей языка. Коллективный характер субъекта нормативной оценки обусловлен также и тем, что этот субъект должен не только владеть названным языком, но и быть носителем отраженной в нем нормативной картины мира. Закрепленное в норме, выражаемой языковыми единицами, «оценочное отношение детерминировано мировоззрением народа – носителя языка, его культурно-историческим опытом, системой существующих в данном социуме критериев оценки, а также универсальностью оценочного суждения, обязывающего “соблюдать” соизмерение ценности объекта с некоторыми стереотипами или стандартами по некоторой шкале, отображающей общественно сложившиеся нормы представления о хорошем или плохом, либо о проявляющемся сверх или ниже нормы. Представления о стандартах, или эта-

лонах, и есть та антропометрическая позиция, которая служит тем фильтром, сквозь который, как через цветное стекло, воспринимается мир» [Телия, 1986, с. 39].

Наконец, необходимым условием выполнения носителем нормативной ЯКМ функции субъекта оценки является наличие *нормативной мерной ситуации*, состоящей в соотношении предмета нормативной оценки с нормой. В силу специфики языкового выражения семантики нормы обязательными компонентами такой ситуации являются, с одной стороны, частный случай нарушения той или иной нормы как предмет нормативной оценки, а с другой – субъект нормативной оценки, которому известно содержание данной нормы и который способен осуществить процедуру оценивания, т.е. определить наличие или степень соответствия предмета оценки представлениям о должном. Особенностью нормативных мерных ситуаций, обозначенных при помощи воспроизводимых единиц языка (морфем, слов, фразеологизмов и проч.), является то, что названные единицы могут быть многократно использованы в речи разных членов языкового коллектива и в различных условиях для обозначения сходных ситуаций. Однако даже в том случае, когда выражающая нормативную оценку языковая единица используется лишь одним лицом и для обозначения отдельно взятой ситуации (как речевой факт), субъект нормативной оценки не перестает быть коллективным, поскольку использует данную единицу для общения с другими членами коллектива и лишь транслирует присвоенную ей ранее этим коллективом оценку.

Таким образом, *субъект нормативной оценки*, выраженной в семантике единиц языка, представляет собой коллектив говорящих на данном языке людей, воспринявших заданный языком способ концептуализации и категоризации действительности и отраженную в этом языке нормативную ЯКМ. Благодаря этому члены этого коллектива обладают общими представлениями о должном состоянии человека, социума и всего окружающего мира и способны реализовать эти представления в условиях определенной мерной ситуации.

Литература

- Апресян Ю.Д. Избр. тр.: В 2 т. М., 1995. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография.
- Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980. – С. 156–249.
- Арутюнова Н.Д. Ненормативные явления и язык // Язык и логическая теория. М., 1987. С. 140–152.
- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. Воронеж, 2001.
- Вежбицкая А. Язык, культура, познание. М., 1996.
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- Вольф Е.М. Субъективная модальность и семантика пропозиции // Логический анализ языка: Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988. С. 124–143.
- Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
- Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. С. 166–205.
- Курбатов В.И. Логика. Ростов-на-Дону, 1997.
- Резанова З.И. Языковая картина мира: взгляд на явление сквозь призму термина-метафоры // Картина мира: Модели, методы, концепты. Материалы Всероссийской междисциплинарной школы молодых ученых «Картина мира: язык, фи-

лософия, наука» (1–3 ноября 2001 г.) / Под общ. ред. проф. З.И. Резановой. Томск, 2002. С. 28–34.

Сэпир Э. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 43–78.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики языковых единиц. М., 1986.

Уорф Б.Л. Наука и языкознание (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление). Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 135–182.

Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М., 2002.